

❖ ЛЕДИ С ТОГО СВЕТА ❖

ЛЕДИ НЕ РАЗВАЛИВАЮТСЯ

❖ Григорий Павленко ❖

Григорий Павленко

Леди не разваливаются

«Автор»

2026

Павленко Г.

Леди не разваливаются / Г. Павленко — «Автор», 2026

Леди Катарина Тэрн легла спать за неделю до свадьбы, а проснулась в гробу. В основном, что для леди само по себе оскорбление. Рядом сидел Умбер, дворецкий, с лицом, по которому было ясно, что он думает о таком обращении с госпожой. Старый некромант объяснил, что она не дышит, и попросил лечь обратно. Она отказала вежливо: её ждут в Керре, при государе, и второй раз за утро она не ляжет. Некромант хотел было что-то возразить, но умер посреди фразы, и она похоронила его в своей могиле: та была свободна. С тех пор она идёт домой: с его книгой, с дворецким, который не одобряет всё, что недостойно дома Тэрн, и с курицей, которую дали за упокоение. Деревни принимают её за некромантку: посох, книга, мертвяк с мешком. Она не говорит неправды. Она просто не поправляет. Ученица ест за неё и напоминает дышать. Молодой жрец уверен, что она опасна, и, к сожалению, их не представили. Только города Керр здесь никто не знает. И государя зовут не так.

© Павленко Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Неделя до свадьбы	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Григорий Павленко

Леди не разваливаются

Глава 1. Неделя до свадьбы

Салфетки лежали неправильно, и это было единственное, что в доме Тэрн в тот день лежало неправильно. Катарина переложила их сама, все до одной, углом к прибору, как учили. Горничные были заняты наверху, гости были в дороге, а салфетка, сложенная углом к двери, могла, если подумать, погубить всё.

Под «всем» разумелся мир между домом Тэрн и домом Аурель. Два дома магов при дедах воевали, при отцах не кланялись, а теперь решили, что довольно, и что удобнее всего это сделать за столом, а закрепить свадьбой. Свадьба была через неделю. Невестой на ней, разумеется, была Катарина. Так что салфетки касались её лично.

Умбер стоял в дверях столовой и смотрел на салфетки. Дворецкий дома Тэрн был гoblin, ростом ей по пояс, морщинистый, с глазами в пол-лица, в ливрее цветов дома, выглаженной так, что о неё можно было порезаться. Он говорил коротко и редко, а смотрел за двоих. Сейчас он смотрел так, как смотрят на хозяйку, которая делает работу горничной.

— Я знаю, Умбер, — сказала Катарина, не оборачиваясь. — Но у них угол глядел на дверь.

Умбер перевёл взгляд с салфеток на дверь и ничего такого, что заслуживало бы угла, в ней не нашёл.

— Ты опять сама, — вздохнула Ирис.

Она стояла на пороге с охапкой астр из сада, срезанных, судя по стеблям, не тем ножом и не в том месте.

— Я просила Марту переложить, — оправдалась Ирис. — Она, наверное, забыла.

Ирис была старше на два года, добрее на всю жизнь и совершенно не умела распоряжаться: горничных она просила. А прислугу в доме Тэрн не просили, прислуге говорили, приказывали или указывали, если требовалось, и Умбер посмотрел на астры так, как смотрел всякий раз, когда Ирис говорила горничной «пожалуйста»: с тихим горем гоблина, которому испортили ливрею.

— Ирис. Прислугу не просят.

— Я знаю. Я забываю.

Она забывала всегда и всегда одинаково, и папа год назад решил, что хозяйкой за столом будет сидеть Катарина, потому что Ирис сама попросила, чтобы кто-нибудь другой. Ирис тогда улыбалась. Ирис улыбалась вообще часто, и это была одна из причин, по которым её все любили, а Умбер терпел.

Катарина взяла у неё астры, отвела смятые стебли в глубину вазы, целые вывела наружу, и стало прилично.

— Ты волнуешься, — Ирис тронула её за локоть.

— Я слежу за салфетками. Если ужин пройдёт как положено, лорд Аурель уедет довольный, папа перестанет говорить «эти люди», и будет мир. Если нет, лорд Аурель уедет обиженный, папа скажет, что он так и знал, и через год у нас опять будет то, что было при дедах. Я предпочитаю салфетки.

— Папа в подвале, — Ирис понизила голос. — С утра.

— С утра?

— Тодд попросил.

Тодд — это их садовник. Он умер, когда цвели яблони, и до сегодняшнего утра исправно их поливал, а утром пришёл к папе и сказал, что довольно. В доме Тэрн мёртвые служили наравне с живыми, пока хотели, а когда переставали хотеть, папа их отпускал: дом Тэрн был дом некромантов, и стесняться этого было не принято. Таким просьбам не отказывали и не исполняли их наспех: отпустить человека как положено — это, помилуйте, не салфетку сложить.

Папа ушёл вниз до завтрака. Обед ему снесли туда же. Что он ответил на обед, Ирис не сказала, а Катарина не спросила: папа наверняка сказал «потом» и не обернулся.

— Умбер, — позвала она. — Если папа не поднимется к супу, спуститесь за ним сами. В чём бы он ни был.

— Да, госпожа.

Больше Умбер в тот день не сказал ничего, да и не требовалось: он одним взглядом умел высказать столько, сколько никакими речами было не передать. Список гостей, который Катарина ему подала, он взял так, как берут чужую перчатку, найденную в собственной гостиной.

Умбера папа взял на службу ещё в молодости, когда сам был, по собственным словам, куда менее сговорчив, и с тех пор Умбер в убеждениях не сдвинулся ни на шаг: дом Тэрн должен процветать, соседи — бояться, а чернь — трепетать и не задавать вопросов. Папа с годами смягчился, дом — вместе с ним, а Умбер нет, и мир с Аурелями считал занятием, недостойным дома, примерно как счёл бы недостойным, если бы папа вздумал сам чистить сапоги. Спорить с ним об этом было бесполезно: он не спорил, он смотрел.

Умбер, это гости. Гости не выбирают, гостей принимают.

Умбер сложил список вдвое, буквами внутрь, и унёс.

Наверху, в её комнате, на кресле у окна лежало дорожное платье. Выезжать в Керр предстояло послезавтра, но Умбер не признавал слова «послезавтра» и разложил платье ещё утром: рукава вдоль, юбка расправлена, каждая складка там, где ей положено, сверху перчатки, дорожные, тёмные, парой. Так умел раскладывать только он. Платье лежало, как лежат платья, в которые уже кто-то одет, только очень тихий. Катарина обошла его стороной, чтобы не помять.

Свадьбу играть собирались в Керре, при государе: два дома, которые мирятся, мирятся при короле, иначе кто поверит. От дома до Керра было два дня каретой, если не лил дождь, и Катарина знала это так же твёрдо, как знала, что Керр большой, что в нём живёт государь и что там, говорят, теперь не снимают перчаток даже за столом. Больше о Керре она не знала ничего. О мире за оградой она, по совести, тоже не знала ничего, и до сих пор это никому не мешало.

Миром занимался папа, её же обязанностью был дом Тэрн. Его благопристойность. Величие, если угодно.

К ужину она выбрала серые перчатки, до локтя. Носить их за столом было дурным тоном и чрезвычайным удобством, и Катарина, колебавшись, решила, что сегодня удобство важнее: руки у неё, когда она волновалась, холодели, а подать холодную руку врагу, с которым мирятся, значило быть неправильно понятой.

Гувернантка говорила: леди за столом ест, как птица, и подаёт руку так, чтобы никто не подумал, что ей это нужно. Катарина ела как птица так давно, что забыла, как это делается иначе, а вот с рукой было сложнее.

Внизу, во дворе, простучали колёса, и Катарина застегнула вторую перчатку, не глядя. В этом она не ошибалась никогда.

Бертольд открыл дверь.

Он делал это медленно, как делал всё: Бертольд умер ещё при прежнем короле, торопиться ему с тех пор было некуда, и дверь у него не скрипела, и поклон выходил такой, какой положен лакею старого дома, не ниже и не выше.

Живой прислуги в доме Тэрн было как у людей: горничные, кухарка с судомойкой, кучер, конюх, прачка. Из остальной — Бертольд и привратник у ворот.

Бертольд был бледен, вежлив и в белых перчатках, и Катарина, стоя у него за плечом, подумала, что лучше открыть Аурелям в этом доме не сможет никто другой.

Аурели приехали втроём. Лорд Аурель был высок, седоволос и держал лицо человека, который приехал заключать мир и с самого утра об этом жалеет. За ним шла его сестра, леди Гортензия, в перчатках и в дорожной шляпе, которую она не сняла в дверях. Третьим шёл жених.

Флориан Аурель был хорошо причёсан, хорошо воспитан и напуган до такой степени, что поклонился Бертольду. Бертольд поклонился в ответ, потому что был воспитан не хуже. Мальчик кланялся прислуге, и от этого его, видимо, предстояло отучать. Больше в тот вечер посмотреть на него Катарине не пришлось: он смотрел в тарелку.

Лорд Аурель снял плащ и остался с ним в руках, а Бертольд ждал. Лорд Аурель смотрел на Бертольда, Бертольд смотрел туда, куда лакею и смотреть, то есть чуть выше плаща, и прошло, по совести, порядочно времени, прежде чем Катарина сообразила, в чём дело.

Лорд Аурель не хотел отдавать плащ мёртвому. Он знал, в какой дом едет: это знали все, а Аурели дольше прочих. Знать и отдать плащ — разные вещи. В доме Тэрн плащи отдавали Бертольду с прежнего короля, и ни у кого ещё не отвалилась рука.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.